
Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.)

Татьяна Никонорова

The Party Control Commission of the Central Committee of the CPSU, 1934–1952

Tatiana Nikonorova (Russian State University for the Humanities)

Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) занимала особое место среди высших советских и партийных органов, совмещая идеологическую и административно-управленческую функции. В условиях сталинской диктатуры проведение расследований и привлечение к партийной ответственности приблизили КПК по значению и репутации к НКВД–МГБ СССР. В воспоминаниях номенклатурных работников 1930–1940-х гг. работа Комиссии предстаёт как «судилище», «инквизиция», когда людей «хватали... и волокли, куда следует. А там была уже предрешена расправа. ...Погибли тысячи»¹.

КПК остаётся мало изученной структурой ВКП(б). Советская историография, как правило, ограничивалась изучением деятельности Центральной контрольной комиссии (ЦКК) в 1920–1934 гг. Исключением является монография К.В. Гусева², из 100 страниц которой, впрочем, только три посвящены периоду 1934–1952 гг., что, разумеется, было вызвано нежеланием «затрагивать» сталинский период в истории партконтроля. Современные российские историки исследовали проблему фрагментарно, преимущественно на материалах региональных архивов³. Целостный образ КПК так и не был сконструирован. Цель данной статьи – основываясь на малоизученных документах, хранящихся в российских архивах, представить деятельность Комиссии не в статичном срезе, а в динамике развития.

Полномочия и структура КПК

Образованию КПК (1934) предшествовала почти 15-летняя работа ЦКК, которая вместе с Рабоче-крестьянской инспекцией (с 1923 г.) функционировала как единый орган партийно-государственного контроля. «ЦКК... была создана, прежде всего и главным образом, для предупреждения раскола партии, – отмечал глава Советского государства И.В. Сталин на XVII съезде ВКП(б) (1934), – ЦКК и её организациям удалось предотвратить опасность раскола. Но теперь у

© 2015 г. Т.Н. Никонорова

¹ Авторханов А.Г. О себе и времени. Мемуары. М., 2003. С. 392–393; Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть. (Воспоминания). В 4 кн. Кн. 1. М., 1999. С. 193.

² Гусев К.В. Краткий очерк истории органов партийно-государственного контроля в СССР. М., 1965.

³ Калинина О.Н. Партийно-государственный контроль в номенклатурной системе (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2011. С. 65–70; Юдин К.А. Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) и её региональные институты в период утверждения сталинской диктатуры 1934–1941 гг.: на материалах областей Верхней Волги. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013.

нас нет больше опасности раскола. Но зато у нас имеется теперь настоящая необходимость такой организации, которая могла бы сосредоточить главное своё внимание на работе по проверке исполнения решений партии и ЦК»⁴. Подразумевалось, что партконтроль станет элементом повседневного административно-управленческого процесса.

В отличие от ЦКК новая Комиссия а) формально отделялась от органов государственного контроля; параллельно с ней учреждалась Комиссия советского контроля (КСК) при СНК СССР; б) была более централизованным и менее публичным органом; в) создавалась при ЦК ВКП(б), работая по его поручениям и под его контролем. В свою очередь, ЦКК не подчинялась ЦК партии. Более того, в 1920-е гг. даже обсуждался вопрос об установлении над ним контроля со стороны ЦКК. В 1921 г., выступая на X съезде РКП(б), член ЦКК А.А. Сольц пытался преодолеть это недопонимание, отметив, что Центральная комиссия «создаётся наряду с ЦК, не выше, не ниже его, а деятельность её касается другой области»⁵. Позднее, накануне XII съезда партии (1923), председатель СНК СССР В.И. Ленин в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» писал, что члены ЦКК на заседаниях Политбюро «должны составить сплочённую группу, которая, “не взирая на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос»⁶. В дальнейшем практика проведения объединённых пленумов ЦК и ЦКК, совместных заседаний Политбюро ЦК и Президиума ЦКК использовалась Сталиным для решения важных партийно-государственных проблем, в первую очередь для борьбы с внутрипартийной оппозицией. КПК, став фактически «аппаратным» органом ЦК, не унаследовала самостоятельной политической значимости своей предшественницы, приобретя скорее утилитарно-функциональное назначение в системе внутрипартийных отношений.

На первом пленуме КПК (февраль 1934 г.) было сформировано её Бюро (Л.М. Каганович, председатель Комиссии; Н.И. Ежов, его заместитель; М.Ф. Шкирятов⁷; Е.М. Ярославский, И.А. Акулов, Д.А. Булатов, Я.Х. Петерс) и Партколлегия (Шкирятов, секретарь; Ярославский и П.Н. Караваев) – для рассмотрения дел, связанных с нарушением партийной этики и дисциплины⁸. Пленум также в целом одобрил «Положение о КПК», окончательная редакция которого была утверждена Политбюро ЦК ВКП(б) и опубликована⁹. Сравнение этого текста с первоначальным вариантом даёт возможность выявить некоторые нюансы¹⁰.

В первом пункте положения, повторявшем §36 принятой на XVII партийном съезде новой редакции Устава ВКП(б), определялись следующие задачи КПК: «а) контролирует исполнение решений партии и ЦК ВКП(б); б) привлекает к

⁴ XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчёт. М., 1934. С. 34.

⁵ Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стенографический отчёт. М., 1963. С. 62.

⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 387.

⁷ Матвей Фёдорович Шкирятов (1883–1954), выходец из тульских крестьян, образование получил начальное, до революции работал портным, в партии с 1906 г., секретарь ЦК союза швейников (1918–1920), с 1921 г. в аппарате ЦК РКП(б), заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) (1935–1952), секретарь Партколлегии КПК (1934) (РГАНИ, ф. 5, оп. 98, д. 39581, л. 1–11).

⁸ РГАСПИ, ф. 589, оп. 4, д. 1, л. 3.

⁹ Положение о КПК при ЦК ВКП(б). Л., 1934. С. 1–9.

¹⁰ РГАСПИ, ф. 589, оп. 4, д. 1, л. 7–12.

ответственности виновных в нарушении партийной дисциплины; в) привлекает к ответственности виновных в нарушении партийной этики»¹¹.

Комиссия контролировала процесс исполнения соответствующих решений в области не только партийной работы, но также советской и хозяйственной, поэтому разделение компетенции между КПК и КСК носило формальный характер. Постановления ЦК ВКП(б) принимались по вопросам не только партийного, но и государственного значения. Кроме того, членство в партии подавляющего большинства советских руководителей позволяло Комиссии проверять любые советские учреждения.

Интересно, что в седьмом пункте черновой редакции положения значилось: в совместных постановлениях ЦК ВКП(б) и СНК СССР всегда следует указывать, на какую комиссию (советскую или партийную) возлагается обязанность непосредственного контроля¹². Казалось бы, требование весьма логичное – помогает нивелировать параллелизм, точнее обозначить сферу деятельности каждого органа, но в положение этот пункт не вошёл. Можно предположить, что как раз чёткого распределения сфер деятельности каждой из комиссий в Политбюро и не хотели – так сохранялось право партии на тотальный контроль.

Чем КПК принципиально отличалась от КСК? Каганович дал на этот счёт весьма прозрачное разъяснение: «Кроме проверки решений по хозяйственным и государственным вопросам, чем занимается и КСК, мы имеем в своём ведении проверку таких решений, которыми никто другой не занимается»¹³. Однако на особые полномочия КПК указывал §60 Устава ВКП(б): «Члены партии, отказывающиеся правдиво отвечать на вопросы Комиссии партийного контроля, подлежат немедленному исключению из партии»¹⁴.

Бюро играло ведущую роль в структуре КПК: повседневно руководило ею и разбирало на своих заседаниях материалы о выявленных в ходе контрольных мероприятий нарушениях. В аппарат КПК входили группы по отраслям советского, хозяйственного и культурного строительства: тяжёлая, лёгкая, лесная, бумажная, пищевая промышленность; промысловая кооперация; железнодорожный, водный и местный транспорт; военно-морские, административно-советские дела; Наркомзем; Наркомсовхоз; финансы; внешние сношения; снабжение, советская торговля; просвещение и здравоохранение; коммунальное и жилищное хозяйство; печать¹⁵.

Партколлегия КПК разбирала как персональные дела коммунистов, так и поступавшие в неё апелляции на решения обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Партийный контроль централизовался: существовавшая при ЦКК система избиравшихся на региональных партийных конференциях контрольных комиссий была заменена институтом уполномоченных КПК и партколлегий при них. Но если уполномоченных ЦКК выдвигали уездные комитеты в помощь областным и губернским контрольным комиссиям, то КПК сама направляла уполномоченных на места (в союзные и автономные республики, края и области).

¹¹ Положение о КПК... С. 1.

¹² РГАСПИ, ф. 589, оп. 4, д. 1, л. 8.

¹³ Каганович Л.М. О задачах партийного контроля и контрольной работе профсоюзов, комсомола и печати (речь председателя КПК при ЦК ВКП(б) на пленуме Комиссии 28 июня 1934 г.). Л., 1934. С. 14.

¹⁴ Устав Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) // Партийное строительство. 1934. № 5–6. С. 112.

¹⁵ Положение о КПК... С. 4–6.

Необходимо отметить, что вопросы об исключении из партии, наложении партийных взысканий рассматривались преимущественно первичными партийными организациями, райкомами или горкомами партии. Для рассмотрения жалоб на решения «первичек» и «дел о нарушениях партдисциплины и партэтики, возникших независимо от первичной парторганизации»¹⁶, при уполномоченных создавали собственные партколлегии. Учреждали их и в тех областях, где уполномоченных не было. В этом случае партколлегии возглавляли секретари, напрямую подчинявшиеся КПК. Партколлегии функционировали также на железных дорогах, пароходствах – их составы формировала Комиссия.

Все решения партколлегий, парткомиссий, парткомитетов могли быть обжалованы в Партколлегии КПК. Она же для более оперативного рассмотрения обращений назначала по регионам парттройки, которые работали в центре и выезжали на места.

Уполномоченные (напрямую подчинявшиеся КПК и отчитывавшиеся только перед ней) были обязаны систематически сообщать в КПК о ходе осуществления решений съездов партии и постановлений ЦК ВКП(б) на местах, а в случае явных нарушений имели право давать указания всем советским и хозяйственным органам в пределах соответствующей союзной или автономной республики, края и области, райкомам партии и первичным парторганизациям¹⁷. Кроме докладных записок о выявленных нарушениях и принятых по ним мерах, уполномоченные должны были ежеквартально направлять отчёты о своей работе в КПК. Хотя она и определяла, какие вопросы следовало решать в первую очередь, однако разрешала уполномоченным осуществлять проверки самостоятельно. Все их решения требовалось проводить через партийные комитеты (областные, краевые, республиканские), но существовал и другой путь: если партком не соглашался с уполномоченным, тот обращался непосредственно в Комиссию, которая уже действовала через ЦК ВКП(б).

В марте 1939 г. на XVIII съезде партии было решено, что Комиссия будет избираться не съездом, а «плenumом ЦК ВКП(б), работать под руководством и по директивам ЦК ВКП(б)»¹⁸. После внесения соответствующих изменений в Устав партии к полномочиям КПК был добавлен контроль за исполнением решений партии советско-хозяйственными органами и местными партийными организациями¹⁹. 24 мая 1939 г. Г.М. Маленков на пленуме ЦК ВКП(б) призвал «решительно изменить характер деятельности КПК и превратить КПК в орган, который на деле осуществляет контроль за исполнением решений партии... Контроль, проверка исполнения решений партии будет теперь единственной обязанностью КПК. До сих пор КПК при ЦК ВКП(б) мало и плохо занималась контролем... В работе КПК в настоящее время имеются крупные недостатки... На местах широко распространена такая практика, когда партийные контрольные органы приступают к проверке исполнения этого или другого решения партии уже после того, как совершенно очевидным стало невыполнение этого решения»²⁰. Словом, партийное руководство пошло на реорганизацию Комиссии из-за её неудовлетворительной работы, но главная причина этого –

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ Там же. С. 7.

¹⁸ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии(б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчёт. Л., 1939. С. 671.

¹⁹ Устав ВКП(б). М., 1944. С. 14.

²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 649, л. 125–141.

отставка Ежова, который занимал кресло председателя КПК в 1935–1939 гг., одновременно исполняя должность народного комиссара внутренних дел.

Постановление пленума ЦК ВКП(б) предписывало: «1. Задачей КПК поставить проверку исполнения решений партии и её руководящих органов партийными, советскими и хозяйственными организациями и своевременную сигнализацию Центральному Комитету ВКП(б) о фактах неисполнения или плохого исполнения этих решений. 2. Сформировать КПК в составе 31 человека. Поручить Политбюро ЦК ВКП(б) утвердить персональный состав членов КПК. Образовать Бюро КПК в составе: председателя и четырёх заместителей, с тем чтобы один из заместителей являлся ответственным секретарём КПК. 3. Образовать Партийную Коллегию в составе 5 человек под председательством тов. Андреева²¹, на которую возложить рассмотрение апелляций исключённых из партии обкомами, крайкомами и ЦК компартий союзных республик и в отдельных случаях рассмотрение по поручению ЦК ВКП(б) партийного поведения членов партии и применения мер партийного взыскания вплоть до исключения из рядов ВКП(б). 4. Иметь уполномоченных КПК во всех республиках, краях и областях, в первую очередь расположенных на границах Союза ССР. 5. Иметь при КПК ответственных контролёров по одному на каждый наркомат СССР. 6. Все решения КПК вносятся на решение ЦК ВКП(б)»²².

Если не брать в расчёт изменившуюся штатную численность подразделений КПК и назначение новых людей, то общие черты организации КПК были сохранены. Вместе с тем КПК стала избираться не общепартийным съездом, а пленумом ЦК ВКП(б); потеряла право проводить свои пленумы; её руководящим органом стало Бюро; все её решения подлежали утверждению ЦК партии, т.е. Комиссия стала менее самостоятельным и публичным органом.

В 1945–1947 гг. периодически проходили совещания заместителей председателя КПК, где предварительно (до Бюро) разбирались материалы проверок и выносились решения об организации работы Комиссии²³ (по-видимому, такая подмена Бюро была вызвана тем, что в его работе практически не участвовал Андреев).

Изменилась организация партийного контроля в республиках, краях и областях. Партколлегии КПК ликвидировали, а их полномочия передали обкомам, крайкомам и ЦК компартий союзных республик. С 1943 г. они стали формировать свои партколлегии, которые КПК напрямую не подчинялись.

Отраслевые группы КПК расформировали. Обязанностью каждого из оставшихся ответственных контролёров было «знать директивы ЦК ВКП(б) в отношении того наркомата, который он обслуживает, и проверять выполнение этих директив»²⁴. Помимо этого, согласно решению заместителей председателя КПК от

²¹ Андрей Андреевич Андреев (1895–1971) родился в крестьянской семье в Смоленской губ., состоял в партии с 1912 г. (в некоторых документах – с 1914 г.), был лично знаком с Лениным; будучи председателем КПК (1939–1952), совмещал эту работу с должностями: секретарь ЦК ВКП(б) (1935–1946), нарком земледелия СССР (1943–1946), заместитель председателя Совета Министров СССР (1946–1953), член Политбюро (1932–1952), член Оргбюро (1939–1946), Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР (1938–1946), член бюро СНК СССР и Совета Министров СССР (1941–1953), депутат Верховного Совета СССР (1937–1962) (РГАНИ, ф. 5, оп. 98, д. 1231, л. 5; *Андреев А.А.* Воспоминания, письма. М., 1985. С. 9; Центральный комитет КПСС, ВКП(б), РКП(б), РСДРП(б): историко-биографический справочник. М., 2005. С. 127).

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 642, л. 5.

²³ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 52, 53, 54.

²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 649, л. 154.

22 июля 1946 г., всех ответственных контролёров закрепили за областями, краями и республиками, где они наблюдали за работой уполномоченных КПК²⁵.

После упразднения в 1947 г. института уполномоченных одну часть их функций передали созданному в ЦК ВКП(б) Управлению по проверке партийных органов, другую – ответственным контролёрам, которые уже самостоятельно проводили проверки и выезжали на места. Такое организационное решение явно не пошло на пользу делу: люди просто не справлялись с огромным потоком поступавших заявлений. На XIX съезде КПСС (1952) было принято решение вернуть уполномоченных, но сделано это было уже в рамках Комитета партийного контроля при ЦК КПСС²⁶.

Руководство и состав КПК

Комиссия партийного контроля являлась одной из крупнейших структур ЦК ВКП(б): в 1939–1941 гг. в ней числилось 14–15% личного состава его аппарата, в 1942–1952 гг. – 8–9%²⁷. Первый состав КПК значительно уменьшился в годы Большого террора. Как указывалось в отчёте Комитета партийного контроля за 1961 г., «в 1937–1938 гг. почти половина (29 из 61) членов КПК была арестована и осуждена»²⁸. Так, из утверждённых в 1934 г. семи членов её Бюро расстреляли четверых.

Согласно постановлению пленума ЦК ВКП(б) от 24 мая 1939 г. была сформирована КПК численностью 31 человек²⁹, среди них – заместители Андреева И.Т. Гришин, Г.И. Ивановский, Г.В. Перов и М.Ф. Шкирятов (вместе с Андреевым они образовали Бюро; Перов и Шкирятов входили и в Партколлегию); А.П. Леонов – ответственный секретарь, А.Г. Абрамова – член Партколлегии³⁰. Этот состав, разумеется, менялся в последующие годы, и никто из заместителей Андреева не задерживался в КПК больше пяти лет, за исключением Шкирятова.

Хотя Андреев окончил лишь три класса сельской школы, он был довольно начитан, любил классическую музыку³¹. Впрочем, по воспоминаниям некоторых современников, его образ был далёк от идиллического. Так, по словам писателя А.А. Фадеева, приговор поэту О.Э. Мандельштаму подписал именно Андреев³². А Н.С. Хрущёв отмечал: «Андрей Андреевич сделал очень много плохого во время репрессий 1937 года. Возможно, из-за своего прошлого он боялся, чтобы его не заподозрили в мягком отношении к бывшим троцкистам. Куда он ни ездил, везде погибало много людей»³³ (если верить Молотову, то Андреев действительно числился в «раскаявшихся троцкистах»)³⁴.

В конце 1940-х гг. Андреев много болел. В январе 1949 г. он обратился в Политбюро с просьбой предоставить ему дополнительный отпуск: «Головокружения повторяются почти через день. Не успеешь подняться, как опять ва-

²⁵ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 53, л. 22.

²⁶ Резолюции XIX съезда КПСС. М., 1953. С. 75.

²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 79, д. 79–89.

²⁸ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1165, л. 4.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 2, д. 642, л. 47.

³⁰ Сформирование Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1939. № 12. С. 62.

³¹ Андреев А.А. Указ. соч. С. 222.

³² Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989. С. 338.

³³ Хрущёв Н.С. Указ. соч. С. 134.

³⁴ Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 192.

лит с ног. Я просто измучился вконец»³⁵. К тому времени его председательство в Комиссии было номинальным, и действительным её руководителем являлся Шкирятов. Он фактически возглавил КПК с 1936 г. – тогда её председателю Н.И. Ежову было поручено «^{9/10} своего времени отдавать работе в НКВД»³⁶. В послевоенный период все документы, поступавшие в КПК, направлялись только на имя Шкирятова.

«Ростом он был небольшой, слегка обрюзгший, – вспоминал И.Я. Ягодкин³⁷, – у подбородка появился вялый мешочек. Походка стала шаркающей. О своей профессии говорил афоризмом: “шей, пори до новой поры”, что означало – портной. К старости он стал неуравновешенный, вспыльчивый, заводной. Иногда по мелочам так заведётся, что остановить его было почти невозможно. Работать с ним, прямо скажу, было нелегко. Говорил он сумбурно, свои мысли излагал нелогично, порою трудно было понять, что он хочет сказать; чем больше он старел, тем становился тяжелей... Человек он был старой закалки, не пришлось ему получить образования. Плохо знал народное хозяйство. Положительным было у него одно исключительно сильное качество – политическая интуиция, посредством которой он мог глубоко проникать в душу человека и почти безошибочно познавать его политическое нутро... Нередко можно было слышать, что Шкирятов в разборе персональных дел человек мудрый, видит человека насквозь. Заседания Партколлегии проводил напряжённо, говорил подолгу, утомительно, повторяя одни и те же слова»³⁸.

Ягодкин в Саратовском пединституте получил историческое образование, что, вероятно, и навело его на мысль о собственных мемуарах. Он не замалчивал тёмные стороны работы КПК, но пытался «обелить» своего патрона, приписывая все преступления преимущественно плохому влиянию окружения, в особенности некоторым членам Партколлегии³⁹, которые, «не обладая общей культурой, в своих выступлениях допускали прямо-таки безграмотные, грубые выражения: “фулиган, чумудан, мирской бык (такой ярлык приклеивался исключённому за неправильное поведение в быту), твоё место в тюрьме, шляешься здесь по коридору” и т.д. и т.п. Секретарь партколлегии (Леонов), например, имел дурную привычку набрасываться на апеллирующего прямо при входе его в кабинет заседания, шумливо говоря: “Ты ещё на свободе, твоё место в тюрьме”, называя ему срок (как бы в шутку) тюремного заключения... Вообще он был человеком недалёким, беспринципным и поверхностным. Когда его спрашиваешь: ну как исключить или восстановить в партии Х, он, не зная о ком идёт речь, потому что не участвовал в обсуждении вопроса, говорил “исключить”»⁴⁰. По воспоминаниям Ягодкина, он сам чудом избежал ареста по подозрению в связях с фигурантами «Ленинградского дела».

³⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953. М., 2002. С. 406.

³⁶ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 683.

³⁷ Иван Александрович Ягодкин (1911–1979), фактически второй человек в КПК послевоенного периода; член ВКП(б) с 1932 г. Номенклатурный работник «сталинского» призыва: заведующий орготделом Крапивинского райкома ВЛКСМ (1933), секретарь Похвистневского райкома ВКП(б) (1936–1938), заведующий культпросветотделом Куйбышевского обкома (1938–1939), заместитель уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по Куйбышевской обл. (1940), с 1940 г. уполномоченный; в 1946–1956 гг. заместитель председателя КПК (РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 571, л. 13–13 об.).

³⁸ Центральный московский архив-музей личных собраний (далее – ЦММЛС), ф. 173. Сдаточная опись, д. 11, л. 27–29.

³⁹ Там же, л. 27–28.

⁴⁰ Там же, л. 34.

Организация работы КПК

Характерной чертой работы Комиссии был последовательный отказ от публичности. Почти все опубликованные в советской печати документы, касавшиеся разъяснений задач КПК, решений её пленумов, относятся к 1934–1938 гг. «Положение о КПК» не обновлялось и не публиковалось, несмотря на происходившие после 1934 г. изменения полномочий и структуры Комиссии. Все решения принимал узкий состав её Бюро, количество членов которого сокращалось, и в 1947 г. в него входили только Шкирятов и Ягодкин.

КПК занималась решением массы вопросов (их определял широкий спектр предметов регулирования, заключённый в решениях съездов и ЦК ВКП(б)) – от организационной перестройки наркоматов до снабжения московских столовых, от тяжёлой промышленности до забоя стельных коров – о чём во время выступления на пленуме КПК в июне 1934 г. упомянул Каганович⁴¹. В последующие годы эта всеохватность сохранялась.

Каждый год одновременно с поступающими в Партколлегию 8–9 тыс. апелляций⁴² рассматривались и персональные дела коммунистов (после их изучения запрашивались дополнительные сведения по каждому и составлялись соответствующие справки), а на её заседания нередко вызывали кого-то из подавших апелляцию вместе с представителями исключившего его из ВКП(б) парткома. По воспоминаниям Ягодкина, Партколлегия работала неудовлетворительно, руководствуясь принципом «лучше десять исключить из партии, чем одного недостойного восстановить»: «Апеллирующие обращались в ЦК с жалобой на формальный разбор дел в КПК, из ЦК пересылались они в КПК, КПК ещё и ещё раз разбирает заявления исключённых. В ряде случаев одного и того же апеллирующего разбирала партколлегия до семи раз, и было очевидно, что его надо восстановить. Партийная коллегия, не решаясь изменить свои прежние решения, как бы выкручивалась, делала запись: “давно не имеет связи с парт-организацией, может вступить в партию на общих основаниях” и т.д.»⁴³.

Отдельным направлением работы Партколлегии стало рассмотрение «по первой инстанции» – по специальному заданию ЦК ВКП(б) – особо важных персональных дел. В делопроизводстве КПК решения по таким делам легко отличить от условной «текучки»: формировались они из протоколов, на которых были зафиксированы разные даты (как протокол № 939 от 10, 12, 16, 27 и 28 сентября, 1, 3, 4, 5, 10, 13, 19, 20, 25, 27 и 28 октября, 3, 18 и 19 ноября 1949 г., который содержит решения по «Ленинградскому делу»)⁴⁴.

Помимо проверки поступивших в КПК сигналов Бюро выполняло поручения ЦК ВКП(б): с 1947 г. по май 1952 г., например, – более 1 тыс. К тому же из 1 131 решения, вынесенного тогда Бюро, 660 касались инициированных по поручениям ЦК вопросов⁴⁵. Своими постановлениями Бюро накладывало на провинившихся взыскания (выговор, строгий выговор, строгий выговор с предупреждением) вплоть до исключения из партии. Таким образом, оно являлось судом первой и последней инстанций. В качестве дополнительных санкций Бюро могло снять человека с работы, передать материалы его дела судебно-

⁴¹ Каганович Л.М. Указ. соч. С. 10–11.

⁴² РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1, л. 16.

⁴³ ЦМАМЛС, ф. 173. Сдаточная опись, д. 11, л. 34–35.

⁴⁴ РГАСПИ, ф. 589, оп. 5, д. 1519.

⁴⁵ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1, л. 5.

следственным органам. В соответствии с главой XII Устава ВКП(б) наказанию подлежали «попытки двурушничества, фракционной борьбы и раскола», «неисполнение постановлений высших организаций и другие проступки, признаваемые преступными общественным мнением партии»⁴⁶. На практике к таким проступкам относились «бытовое разложение» (пьянство, беспорядочные половые связи и проч.), неуплата членских взносов, потеря партийного билета, сокрытие своего социального происхождения, участие в религиозных обрядах и т.п.

Председатель КПК и его заместители, входившие в Бюро, предварительно обсуждали повестку его заседания: часто предлагалось «ограничиться принятыми мерами» и вопрос с контроля снять. На Бюро выносили только особо важные дела, и лишь небольшую их часть разбирали непосредственно на заседании, остальные разрешали опросным голосованием.

Заседания Бюро и Партколлегии проходили в закрытом порядке. Некоторые из протоколов (все они являлись строго секретными) попадали в «Особую папку». С 1939 г. постановления Бюро и Партколлегии утверждал Секретариат ЦК ВКП(б). «Вся основная работа в аппарате КПК, – писал Ягодкин, – велась в вечернее и ночное время (ночные бдения). Аппарат КПК был большой и полностью загруженный, с ним надо было повседневно вести работу, направлять его деятельность, просматривать деловые бумаги, читать и визировать справки, подготовленные на рассмотрение Бюро и Партколлегии КПК... В практике работы КПК самое большое место занимали заседания, были случаи, когда в день проводилось по два и более заседания по рассмотрению результатов проверки выполнения решений партии и правительства, разбору апелляций исключённых из партии. Это, конечно, нельзя считать нормальным явлением, но в то время избежать такой практики мы не могли»⁴⁷.

Ответственные контролёры проверяли исполнение решений ЦК, соблюдение Устава партии, реагируя на газетные публикации, письма граждан, либо по прямому поручению ЦК. Сфера деятельности уполномоченных была более обширной – они представляли КПК в своём регионе (республике, крае или области). Если в 1939 г. работали всего 11 уполномоченных, то в 1946 г. их число достигло максимума – 59 человек. Один такой служащий мог курировать несколько областей⁴⁸, его аппарат, не зависящий от местных партийных органов, содержался на средства ЦК ВКП(б). «Часто достаточно одного нашего звонка, чтобы дело двинулось вперёд. Нередко руководитель учреждения, член партии нам говорит: мы срочно исправим недочёты, не сообщайте только в ЦК партии», – отмечал во время выступления на III пленуме КПК, проходившем в марте 1936 г., уполномоченный по Ленинградской обл. Рубенов⁴⁹.

Вместе с тем в регионах уполномоченные нередко пытались подчинить себе местную элиту. На этой почве периодически возникали конфликты. Так, в конце июля 1946 г. секретарь Дагестанского обкома ВКП(б) Х.М. Фаталиев жаловался секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову на неправильное поведение уполномоченного Матюшина: «Чувствуется определённое желание командовать всеми, поставить себя выше всех. 1 мая 1946 г. т. Матюшин совсем не к месту несколько раз повторял: “Я в республике являюсь самым главным”».

⁴⁶ Устав ВКП(б). С. 28–29.

⁴⁷ ЦМАМЛС, ф. 173. Сдаточная опись, д. 11, л. 31–32.

⁴⁸ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1, л. 2.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 589, оп. 4, д. 13, л. 43.

Тов. Матюшин проявил большее недовольство и нервозность, когда узнал, что первый секретарь обкома ВКП(б) больше него получает денежную дотацию»⁵⁰. Дело в том, что по утверждённому КПК порядку уполномоченные должны были иметь зарплату, такую же, как и первые секретари соответствующих обкомов⁵¹. Нарушение этого порядка, вероятно, воспринималось Матюшиным как покушение на утверждённую номенклатурную иерархию.

Повседневная работа уполномоченного заключалась в том, что он проверял (нередко по своей инициативе) исполнение решений партии и её ЦК, поступающие жалобы и заявления, причём отдельные вопросы – по специальным поручениям КПК. Он выезжал в районы, колхозы и на предприятия, но часто использовал для этого работников собственного аппарата. Записки о результатах таких проверок отправлялись в Секретариат ЦК ВКП(б), Бюро КПК и соответствующий обком, крайком или ЦК компартии какой-либо союзной республики. Эти доклады предварительно до обсуждения на Бюро рассматривали заместители председателя Комиссии. Если вопросы заслуживали внимания, их ставили на рассмотрение Бюро. Партийные комитеты и уполномоченные КПК были обязаны совместными силами устранить вскрытые недостатки.

От правильной работы с записками уполномоченных КПК во многом зависела эффективность партийного контроля. С 1944 г. такие документы стали отправлять в Секретариат ЦК ВКП(б), поскольку они «не всегда правильно использовались»⁵². Донельзя загруженный аппарат КПК не успевал их обрабатывать и оперативно реагировать на полученную информацию. Однако такое «дублирование» осложнило работу Комиссии. «Мы старались, – отмечал Шкирятов 25 мая 1946 г., – прежде всего, справиться в Секретариате ЦК, что предлагается по ним [запискам уполномоченных] сделать, и только после этого с нашей стороны принимались те или иные меры. Одни эти переговоры, несомненно, задерживали своевременное использование записок уполномоченных. Если записки Секретариатом ЦК направлялись в министерства или по некоторым из них принимались решения, то своих решений мы не выносили и записки никуда не направляли, а брали на контроль указания или решения Секретариата ЦК... Многие записки Секретариатом ЦК ВКП(б) направлялись в отделы и управления ЦК... В этих случаях мы справлялись у заведующих отделами или у их заместителей, инструкторов и ответст[венных] организаторов, что они намерены делать... И только после их ответа нами по некоторым запискам принимались решения Бюро КПК, которые утверждались ЦК. Но принятые решения по материалам уполномоченных постановления Секретариата ЦК ВКП(б)»⁵³. В 1939–1952 гг. КПК приняла по ним 239 решений (около 10% от общего объёма), утвержденных ЦК партии⁵⁴.

Нередко уполномоченные выявляли действительно крупные недостатки, но их работа сильно страдала от вала повседневных бытовых проблем, «текучки». Назначенные из центра, они не могли вскрывать серьёзные недостатки партийного или советско-хозяйственного характера, не вступив в конфликт с местным руководством (обкомами, крайкомами и компартиями союзных республик).

⁵⁰ Там же, ф. 17, оп. 121, д. 463, л. 31.

⁵¹ Там же, ф. 589, оп. 4, д. 36, л. 102.

⁵² Там же, ф. 17, оп. 121, д. 462, л. 40.

⁵³ Там же, л. 40–41.

⁵⁴ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1, л. 3.

Однако пойти на это готовы были не все. Некоторые успешно «адаптировались», обросли связями и знакомствами, разрушать которые не хотели. Жить в мире с региональными руководителями оказывалось для уполномоченных во всех отношениях легче и приятнее, чем враждовать с ними.

В феврале 1941 г. на совещании у Шкирятова обсуждали промах одного из уполномоченных – он напутал с цифрами, в итоге пришёл к неверным выводам по заготовкам. Обком на это не обиделся, потому что, как удалось выявить ответственному контролёру, «у них это взаимное, он [уполномоченный] так же покрывает ошибки обкома»⁵⁵. Уполномоченные стали «головной болью» КПК. Контролёрам приходилось «перепроверять» едва ли не каждый представленный ими документ, специально выезжать в регионы. Вскрывая неэффективность и формальность работы уполномоченных, они отчитывались: «недостаточно бывает в районах, не говоря уже о колхозах», «о положении дел узнаёт, главным образом, из информации своих контролёров и сводок областных организаций»⁵⁶, «не добивается устранения недостатков, вскрытых его проверкой»⁵⁷, «в своих докладных записках использует материалы ведомственных органов без проверки их на месте»⁵⁸. Ликвидация в 1947 г. института уполномоченных не облегчила жизнь Комиссии, которая всегда испытывала «кадровый голод» (см. табл.).

Таблица

Штатная численность работников КПК в 1939–1952 гг.
(количество человек)

Годы	Ответственные работники КПК	Технические работники КПК	Всего
1939	102	132	234
1940	79	122	201
1941	45	66	111
1942	46	29	75
1943	55	39	94
1944	66	74	140
1945	68	81	149
1946	84	88	172
1947	63	85	148
1948	65	79	144
1949	81	85	166
1950	96	97	193
1951	97	101	198
1952	107	106	213

Составлено по: РГАСПИ, ф. 17, оп. 79, д. 79–89.

Итак, наибольшая численность личного состава КПК наблюдалась в 1939 г., затем постепенно снижалась – до минимума в 1942 г., потом начала понемногу расти, но так и не достигла первоначальной величины.

В то же время нагрузка на аппарат КПК после войны существенно возросла. В 1945 г. в неё поступило 907 заявлений и 4 851 апелляция (всего 5 758),

⁵⁵ Там же, д. 1458, л. 69.

⁵⁶ РГАСПИ, ф. 589, оп. 5, д. 84, л. 106–108.

⁵⁷ Там же, д. 100, л. 180.

⁵⁸ Там же, д. 83, л. 113–115.

1946 г. – 3 710 и 6 198 (9 908), 1947 г. – 4 604 и 5 952 (10 556), 1948 г. – 5 726 и 6 941 (12 667), 1949 г. – 9 650 и 9 054 (18 704), 1950 г. – 11 244 и 9 102 (20 346), 1951 г. – 15 473 и 4 293 (19 766) соответственно⁵⁹. Таким образом, в 1951 г. по сравнению с 1945 г. количество заявлений увеличилось более чем в три раза, а аппарат КПК – всего лишь на треть (на самом же деле не увеличился совсем: в «Сводках» не учитывались «внешние» штаты уполномоченных КПК – суммарно около 700 человек⁶⁰).

Контролёров было 37 (вместо 25)⁶¹, но даже усиленный их состав не позволял оперативно справляться с валом работы. Ягодкин вспоминал: «Ответственные контролёры были чрезмерно загружены, в их сейфах и столах лежало много неисполненных поручений большой давности. Их хватало только на проверку особо важных заданий»⁶².

Основные усилия Комиссия сосредоточила на выполнении поручений Секретариата ЦК ВКП(б), в то время как из жалоб «со стороны» могла осилить лишь 10–12%⁶³ и стала чаще перенаправлять их в партколлегии и парткомы областей, краёв и республик. Ситуация осложнялась не только нехваткой людей в штате, но и плохой организацией работы (Шкирятов месяцами держал у себя «бумаги на подпись»⁶⁴; документы терялись или лежали в архиве неразобранными)⁶⁵. Все это свидетельствовало о переживаемом КПК в конце 1940-х гг. кризисе.

Взаимодействие КПК с советскими судебными-следственными органами и органами государственной безопасности

Комиссия в соответствии с «Положением...» могла расследовать лишь партийные проступки, но фактически она делала это и в отношении нарушений коммунистами советского законодательства – как правило, в досудебном порядке. Коммунист, совершивший уголовно наказуемое деяние, должен был сначала предстать перед партийным судом, а уже затем (если на то будет соответствующая санкция) – перед советским. «Дело коммуниста нужно разбирать независимо от судебного дела..., – говорил Шкирятов на совещании с секретарями партколлегий при обкомах, крайкомах и ЦК союзных республик 19 июня 1950 г. – По-моему, мы не должны себя связывать в этом вопросе. Поступило дело, не нужно дожидаться, когда кончится дело в суде. Нельзя также и ждать решения суда и затем уже исключать... Ведь зачастую судебные органы не совсем правильно решают»⁶⁶.

Такой порядок предварительного разбора уголовно наказуемых деяний привёл к тому, что, во-первых, наложение партийного взыскания делало вину доказанной ещё до суда, во-вторых, КПК могла произвольно «фильтровать» дела, подлежащие передаче в судебные-следственные органы. Ещё в 1936 г. III пленум КПК констатировал: «партийным взысканием нередко подменяется

⁵⁹ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1, л. 9.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 571, л. 12.

⁶¹ Там же, оп. 79, д. 86, л. 35.

⁶² ЦМАМЛС, ф. 173. Сдаточная опись, д. 11, л. 24.

⁶³ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1, л. 10.

⁶⁴ ЦМАМЛС, ф. 173. Сдаточная опись, д. 11, л. 27.

⁶⁵ Этой проблеме было посвящено совещание технических работников КПК 18 марта 1950 г. (РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 57, л. 4–9).

⁶⁶ Там же, д. 56, л. 34.

ответственность члена партии перед советским законом за совершенный им проступок»⁶⁷. Выступивший на пленуме Ежов говорил: «Если член партии нарушил советский закон, скажем, просто проворовался, его не всегда отдают под суд, а начинают рассуждать: “Член партии, – давай обсудим его проступок в партийном порядке”. Обсудили, вынесли партвзыскание и этим ограничились. Таким образом, получается, что член партии фактически не отвечает за нарушение советского закона... Мы знаем сотни случаев, когда жулик и проходимец отделивался партийным взысканием за совершённое им уголовное преступление, за которое любой беспартийный был бы сурово осуждён в судебном порядке»⁶⁸.

Примерно 40% всех рассмотренных КПК вопросов касались различных злоупотреблений и растрат, однако почти все такие случаи заканчивались лишь вынесением выговоров. Постановлением Бюро КПК от 26 июня 1948 г. один из заместителей председателя Совета Министров Азербайджанской ССР получил строгий выговор с занесением в учётную карточку за строительство личного особняка за счёт государственных средств и продажу по повышенным ценам фруктов с личного участка в государственную торговую сеть⁶⁹. В своей записке Шкирятов в Секретариат ЦК ВКП(б) прямо писал о «нецелесообразности рассмотрения этого дела ещё и в судебном порядке»⁷⁰.

При наложении санкции на растратчиков Комиссия часто включала в резолютивную часть постановления обязательство по внесению в доход государства определённой суммы: «Обязать П... внести в течение года в госбюджет 15 тыс. руб. в возмещение незаконно израсходованных им государственных средств»⁷¹, «Обязать Н... внести до января 1951 г. в доход государства незаконно полученные деньги в сумме 13 328 рублей»⁷²; «Обязать Г... к 1.V.1950 г. в возмещение израсходованных премиальных средств внести в доход государства 5 тыс. рублей»⁷³. Таким образом «инциденты» считались исчерпанными: «ЦК не всегда принимает меры по фактам взяточничества, “разложения” и т.п. по докладам Комиссии партийного контроля и органов безопасности. Сталин и Маленков предпочитали не наказывать преданных высокопоставленных чиновников. Если же они причислялись к соперникам, то этот компромат сразу же использовался для их увольнения или репрессии»⁷⁴.

В КПК поступали заявления о пересмотре судебных дел и помиловании. Ответственные контролёры, как правило, для проверки жалобы требовали материалы уголовного дела, посылали запросы в партийные организации. Решения о пересмотре судебных приговоров в 1947–1952 гг. контролёры принимали примерно в каждом десятом случае. Гораздо чаще они оставляли резолюции: «Дело судом разрешено правильно»⁷⁵ или «Оснований для вмешательства в решения судебных органов по делу... не имеется»⁷⁶. Если же основания находились, то Комиссия об-

⁶⁷ Постановление III Пленума Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) 7–10 марта 1936 г. М., 1936. С. 21.

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 671, оп. 1, д. 95, л. 22–23.

⁶⁹ Там же, ф. 589, оп. 5, д. 116, л. 1.

⁷⁰ Там же, ф. 17, оп. 121, д. 638, л. 79.

⁷¹ Там же, ф. 589, оп. 5, д. 139, л. 129.

⁷² Там же, д. 141, л. 62.

⁷³ Там же, д. 142, л. 1.

⁷⁴ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 2005. С. 518.

⁷⁵ РГАНИ, ф. 6, оп. 6, д. 1608, л. 26.

⁷⁶ Там же, д. 1609, л. 77.

ращалась в соответствующую инстанцию – Прокуратуру СССР или Верховный суд, а те уже беспрекословно претворяли её рекомендацию в жизнь.

Среди материалов фонда Прокуратуры СССР можно найти немало свидетельств тесного взаимодействия следственных работников с КПК. Например, в служебной записке начальника следственного отдела прокуратуры РСФСР Л.И. Уракова начальнику следственного отдела Прокуратуры СССР Л.Р. Шейнину (от 23 марта 1948, № с7/95353, гриф «секретно») отмечалось: «В соответствии с Вашим поручением по делу К... я немедленно связался с Партколлекцией КПК при ЦК ВКП(б) на предмет получения соответствующих материалов. На телефонные и официально письменные запросы из КПК... был получен по телефону ответ, что дело К... будет пересмотрено и до пересмотра этого дела от производства расследования необходимо воздержаться. В марте тов. Молодцова (помощник члена Партколлекции КПК. – Т.Н.) сообщила, что в результате пересмотра дела К... КПК при ЦК ВКП(б) принято решение по этому делу никого к судебной ответственности не привлекать»⁷⁷.

КПК методично проверяла работу судов, прокуратур, органов милиции. Бюро выносило решения персонально по высокопоставленным прокурорским и судебным работникам. Показательно в этом отношении постановление Бюро Комиссии от 27 ноября 1935 г. «О грубой политической ошибке Верховного суда РСФСР, допущенной по делу контрреволюционерки и террористки Гагариной В.А.». Председатель Верховного суда И.Л. Булат получил выговор, а члены Специальной коллегии Верховного суда были сняты со своих должностей за «излишний либерализм» в отношении княжны Гагариной, смертный приговор которой был заменён десятью годами заключения⁷⁸.

Об участии КПК в репрессивной политике Сталина мало что известно. На июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. председатель Комитета партийного контроля Н.М. Шверник, отметив, что Шкирятов «угодничал перед Берией», обвинил КПК в фальсификациях: «Получалось, что основанием для исключения из партии арестованного являлось сообщение КГБ о факте ареста, а основанием для обвинения во вражеской деятельности арестованного было постановление КПК об исключении его из партии как врага народа»⁷⁹. Об этом же вскользь писал в воспоминаниях Ягодкин: «[Шкирятов] нередко проявлял необъективность, особенно если ему позвонят по телефону от имени и по поручению вышестоящих. В этих случаях он даже шёл на прямое нарушение Устава партии, принимая единолично решения»⁸⁰. Так, не было внесено в протокол Партколлекции КПК её решение (от 29 декабря 1948 г.) об исключении из партии жены В.М. Молотова Полины Жемчужиной.

Комиссия сыграла особую роль в «Ленинградском деле», закончившемся расстрелами и заключением многих бывших представителей городских властей. Тогда, по воспоминаниям Ягодкина, «в Партколлекции [КПК] создана была по согласованию с секретарями ЦК специальная группа из 5–6 человек для подготовки к рассмотрению [дел] на Партколлекции, заседания которой проходились при закрытых дверях»⁸¹.

⁷⁷ ГА РФ, ф. Р-8131, оп. 37, д. 4221, л. 272.

⁷⁸ РГАСПИ, ф. 589, оп. 4, д. 58, л. 2.

⁷⁹ Последняя «антипартийная» группа: Стенографический отчёт июньского (1957 г.) пленума ЦК КПСС // Исторический архив. 1993. № 6. С. 13.

⁸⁰ ЦМАМЛС, ф. 173. Сдаточная опись, д. 11, л. 29.

⁸¹ Там же, л. 119.

Вместо борьбы с внутрипартийной оппозицией, генеральные сражения которой проходили на пленумах ЦК и ЦКК в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в КПК начались кулуарные расправы. Показательно свидетельство друга Микояна А.В. Снегова, которого исключили из партии, арестовали, но в 1939 г. отпустили. Он стал добиваться партийной реабилитации в КПК. Далее «Микоян позвонил Шкирятову, чтобы тот побыстрее решил его вопрос. И Шкирятов “побеспокоился” об этом. Когда Снегов пришёл в КПК, Шкирятов попросил его подождать немного в приёмной. Не прошло и получаса, как туда вошли четверо сотрудников НКВД. У них был подписанный Берией ордер на арест Снегова. Шкирятов был доверенным человеком Берии, а последний помнил и ненавидел Снегова ещё по работе в Закавказье в 1930–1931 годах»⁸².

Член Комитета партийного контроля О.Г. Шатуновская, занимавшаяся реабилитацией репрессированных, впоследствии рассказывала о существовавшей при КПК секретной тюрьме (Москва, ул. Матросская Тишина) для особо важных политических заключённых: «Ею непосредственно руководил Шкирятов. И его работники там фигурировали в качестве следователей... Это только их тюрьма была... там людей просто уничтожали. Хотя эта организация и не должна была заниматься такими делами, но именно она и занималась всем этим»⁸³.

К сожалению, детальное изучение повседневного взаимодействия Комиссии с органами госбезопасности серьёзно затруднено отсутствием архивных делопроизводственных источников – в фонде КПК не сохранились материалы секретариата Шкирятова, которые пролили бы свет на такие контакты, если они вообще документировались (сам он скончался в январе 1954 г.). По этой же причине невозможно точно сказать, какое количество репрессированных органами НКВД–МГБ попало туда через Комиссию. Сохранившиеся в фонде КПК персональные дела – несколько десятков тысяч единиц хранения – в настоящее время практически недоступны для исследования.

Таким образом, представляется, что в организационном плане КПК не была стабильна, несмотря на то, что в целом её полномочия не менялись. Поиск организационной модели, которая отвечала бы задаче, поставленной перед Комиссией, в конце 1940-х гг. закончился кризисом, имевшим как внутренние, так и внешние причины. Рост делопроизводства, количества поступающих апелляций, жалоб и заявлений при неизбежной стабилизации штатной численности КПК, необходимость выстраивать систему внутреннего контроля, ликвидация института уполномоченных КПК и перераспределение их обязанностей между работниками и без того загруженного центрального аппарата, непрофессионализм Шкирятова – всё это свидетельствует об общей проблеме неэффективности тоталитарного контроля. Наличие в деятельности КПК элементов судебно-следственной работы даёт основания рассматривать этот орган как квазисудебный, в существовании же его тесного взаимодействия с органами НКВД–МГБ сомневаться не приходится. Непубличность КПК, наличие в её работе множества неписаных практик и процедур, её несамостоятельность и зависимость от ЦК ВКП(б) (особенно после 1939 г.) отвечали потребностям существовавшей тогда политической системы.

⁸² Медведев Р.А. Они окружали Сталина. М., 2012. С. 172.

⁸³ Шатуновская О.Г. Об ушедшем веке / Сост. Д. Кутьина, А. Бройдо, А. Кутьин. Берлин, 2001. С. 326.